

Юэ Вэньцзя, отстав от нее на полкорпуса, тоже был в забрызганном кровью военном облачении. Он бросил на Тань Цзиньсюэ взгляд, в котором читалась легкая тревога.

В конце концов, никто из них не был настоящим древним воином и не знал, что такое поле боя. Одно лишь управление скачущей галопом лошадью уже было сложной задачей, а ведь нужно было еще следить за выражением лица и осанкой, контролировать коня и при этом удерживать тяжелое копье за спиной и знамя в руках так, чтобы камера поймала самый удачный и эффектный ракурс.

Изначально планировалось снять лишь вид со спины, используя дублера. Но Тань Цзиньсюэ настояла на том, чтобы сниматься самой, и Юэ Вэньцзя, поддавшись азарту, отмахнулся от ассистентов и сам ринулся в бой.

Человек впереди, несмотря на женский наряд, держал спину прямо, словно сосна или кипарис.

Городские ворота перед ними медленно отворились, и Юэ Вэньцзя машинально натянул поводья.

Стоявший на стене актер зычным, пробирающим до костей голосом прокричал:

— Генерал возвращается в город!

Тань Цзиньсюэ тряхнула поводьями, и ее высокий черный жеребец, перебирая копытами, рванул вперед. Она слегка подалась корпусом, превратившись в натянутый лук, готовый выпустить стрелу, а знамя в ее руках затрепетало на ветру, издавая громкий хлопающий звук.

Юэ Вэньцзя поспешил следом.

— Отлично! Снято!

Чжань Ханьцю, просмотрев отснятый материал на мониторе, просиял от удовольствия.

— Откуда мне было знать, что у кинозвезды Тань такие навыки верховой езды? — рассмеялся он, когда Тань Цзиньсюэ соскочила с коня.

— Главное, что вы довольны, режиссер Чжань, — ответила она.

Чжань Ханьцю махнул рукой:

— С такой сноровкой ты, если перенесешься в древность, даже генералом сможешь стать!

Тань Цзиньсюэ задумчиво произнесла:

— Кто знает. Может, если бы я и правда перенеслась, мне бы удалось поносить генеральские доспехи.

— Если так, то я спокоен, — кивнул Чжань Ханьцзю. — Без дублера результат вышел куда лучше. — Он заговорщически подмигнул: — Готов поспорить, после выхода рекламного ролика у тебя прибавится немало поклонников-мужчин.

— Новый образ тебе очень идет, — раздался чей-то голос.

Голос был слишком знакомым. Тань Цзиньсюэ обернулась. Все еще не сняв свою маску с ликом демона, она прямо спросила:

— Господин Цзун, что вы здесь делаете?

Это место находилось в сотнях километров от столицы, на самой окраине, где даже туризм был развит слабо. Как Цзун Цзы умудрился бросить все свои дела и приехать сюда на съемочную площадку?

Чжань Ханьцзю, похоже, был в курсе и, вежливо перекинувшись с Цзун Цзы парой фраз, поспешил удалиться.

Мужчина по-прежнему выглядел как образцовый элитарий: черный костюм, поверх которого было наброшено темно-серое пальто. Ни пылинки, ни следа усталости от долгого пути на лице.

— Как инвестор фильма и ваш друг, я не считаю посещение съемок чем-то необычным, — произнес он.

Тань Цзиньсюэ приподняла бровь, с трудом сдерживая усмешку от того, как естественно он присвоил себе статус ее друга.

— Вы не собираетесь снимать маску? — спросил Цзун Цзы.

— Скоро следующая сцена, а если сниму, придется заново накладывать грим, слишком хлопотно, — ответила она и хмыкнула: — Что, господин Цзун, не нравится мой нынешний вид?

Цзун Цзы тоже улыбнулся и наклонился к ней:

— Мне очень нравится.

Его горячее дыхание коснулось щеки Тань Цзиньсюэ. Женщина невозмутимо отступила на шаг и с легким раздражением сорвала бронзовую маску с лица.

Улыбка Цзун Цзы отразилась в его глубоких черных глазах.

— Эй, все сюда, обедать! — прокричал рабочий сцены.

Привезли обеденные боксы. Тань Цзиньсюэ направилась за своей порцией, а Цзун Цзы неспешно последовал за ней.

Условия у съемочной группы были суровыми. Зима, и хотя в зоне отдыха актеров поставили несколько обогревателей, на открытой площадке от них было мало толку. Северный ветер выл, раскачивая временный навес, а стоило открыть рот, как на зубах начинал скрипеть песок.

Еда в боксах едва успевала доехать теплой, но стоило сделать первый глоток, как она остывала, а во втором уже чувствовался привкус пыли.

Тань Цзиньсюэ не была привередлива. Взяв первый попавшийся бокс, она села в сторонке, но подошедший Цзун Цзы забрал у нее еду и протянул свой бокс.

— Давай поменяемся.

Тань Цзиньсюэ подняла на него взгляд. Мужчина уже сел рядом и принялся за ее порцию риса с жирными куриными ножками.

Тань Цзиньсюэ открыла бокс, который дал ей Цзун Цзы. Рис с яйцом. Немного остывший, яйца пережарены, крупные куски перемешаны с рисом.

Цзун Цзы, пристально наблюдая за ней, вдруг спросил:

— Невкусно?

Тань Цзиньсюэ покачала головой и уткнулась в еду.

Юэ Вэньцзя, стоявший неподалеку, хотел было подойти и сесть рядом с ней, но замер на полпути. Поколебавшись, он все же выбрал другое место. Кажется, Тань не так уж и ненавидит господина Цзуна.

Когда с едой было покончено, Чжань Ханьцю, выплевывая песок, подошел к ним, кивнул Цзун Цзы и обратился к Тань Цзиньсюэ:

— После обеда сцена атаки кавалерии, готовься.

Он придавал этой сцене огромное значение. Столкновение двух армий, рукопашная схватка — визуально это должно было выглядеть потрясающе.

Изначально хотели использовать дублеров, ведь в хаосе, где десятки лошадей и сотни людей несутся в атаку, любая ошибка могла привести к беде. Но, увидев мастерство Тань Цзиньсюэ, Чжань Ханьцзю изменил свое решение и успокоился.

Тань Цзиньсюэ кивнула и поднялась.

Цзун Цзы изящно выплюнул косточку от курицы и улыбнулся ей:

— Будь осторожна.

Его телефон беззвучно вибрировал в кармане.

Тань Цзиньсюэ бросила на него холодный взгляд:

— Тебе звонят. Уже в пятый раз. Может, что-то срочное? Не ответишь?

Цзун Цзы, не выпуская из рук бокс и палочки, остался равнодушен к вибрирующему телефону:

— Твой обед важнее.

График Цзун Цзы всегда строился по степени важности. И сейчас на вершине этого списка было лишь одно имя — Тань Цзиньсюэ. Если он ответит на звонок, появится куча дел, которые придется решать. Он проделал такой путь, чтобы приехать сюда, и не собирался отвлекаться на пустяки. Сосредоточенность была одним из лучших качеств господина Цзуна.

Чжань Ханьцзю, услышав этот диалог, застыл в изумлении.

Тань Цзиньсюэ равнодушно взглянула на него и ушла.

Лошадь, на которой она сегодня ехала, звали Хэйцзы. Это был взрослый монгольский жеребец, с которым Тань Цзиньсюэ поладила — она угостила его сахаром, и он послушно потерся мордой о ее ладонь.

Декорации были готовы. Тань Цзиньсюэ, ведя Хэйцзы под уздцы, вышла на позицию.

Два строя войск выстроились друг против друга. Массовка подобралась отличная — лица у всех были свирепые, готовые в любой момент броситься в бой. Ветер усиливался, поднимая тучи песка. Кавалеристы обеих сторон направили копья вперед, принимая боевую стойку. Лошади беспокойно фыркали, переминаясь с ноги на ногу. Юэ Вэньцзя в доспехах с красной нагрудной пластиной на белом коне следовал за Тань Цзиньсюэ. Ездил он не слишком уверенно, и хотя менеджер настаивал на дублере, Юэ, вдохновленный примером Тань, настоял на своем. Ассистенты, конечно, перестраховались и выбрали ему на редкость послушную кобылу.

Цзун Цзы стоял за спиной Чжань Ханьцю и через монитор наблюдал за Тань Цзиньсюэ. Ее лицо снова скрывала маска, видны были лишь глаза, подобные ясным звездам, да изящная линия подбородка.

Взмах красной кисти копья — и острое устремилось вперед!

Солдаты издали оглушительный рев и вслед за своим молчаливым военачальником бросились в атаку.

На мгновение показалось, что тысячи коней и впрямь несутся в едином порыве. Среди мчащихся воинов женщина-генерал в серебряных доспехах и черном плаще летела вперед, словно стрела!

В глазах Чжань Ханьцю вспыхнул огонь, он даже перестал дышать.

Цзун Цзы не сводил глаз с экрана. Среди тысяч воинов для него существовала лишь одна Тань Цзиньсюэ.

Если ради такого человека придется проиграть, то, пожалуй, оно того стоит.

В следующую секунду произошло непредвиденное!

Хэйцзы, неясно почему, испугался, начал бешено брыкаться, издал долгий ржащий крик и, встав на дыбы, сбросил Тань Цзиньсюэ!

Цзун Цзы вскочил и рванул к месту съемок.

Чжань Ханьцю взревел:

— Стоп! Стоп! Остановить съемку!

Он уже хотел бежать следом за Цзун Цзы, как вдруг заметил что-то на мониторе.

Черный плащ развевался на ветру. Женщина, которую неистовый конь сбросил из седла, намертво вцепилась в поводья. В момент падения она сгруппировалась и, повиснув на боку лошади, использовала прием всадников, скрывающихся за седлом!

— Господин Цзун! Господин Цзун! Остановитесь! — Чжань Ханьцю крикнул рабочим перехватить Цзун Цзы, а сам подал знак продолжать съемку.

Цзун Цзы замер. Прищурившись, он увидел, как женщина, которая только что была выбита из

седла, чудом вернулась на спину коня, стабилизировала положение и, управляя разъяренным животным, ловко обошла нескольких актеров массовки.

Мчащийся конь уносил Тань Цзиньсюэ вперед. Длинное копье с красной кистью мелькало в ее руках, нанося удары влево и вправо. В последний миг она резко осадил коня, черный плащ распахнулся, обнажив алый подклад, и, описав в воздухе резкую дугу, она метнула копье!

Оно летело прямо в камеру. Оператор от неожиданности пригнулся, пытаясь увернуться.

Копье пролетело над головами людей и упало, лишь не долетев трех метров до камеры.

Рабочие дружно ахнули.

Хотя это был реквизит, от него исходила такая холодная ярость, что казалось, будто копье пронзит саму камеру.

Когда они подняли головы, генерал в черных доспехах уже развернула коня, который бил копытами по земле. Перед ней лежала свободная от пыли дорога.

Среди тысяч воинов никто не мог ее остановить.

Цзун Цзы, которого удерживали двое рабочих, выглядел мрачно. Он смотрел, как женщина уверенно укротила взбесившегося коня, продемонстрировав мастерский трюк, и, повернувшись к Чжань Ханьцю, холодно спросил:

— Снято?

Чжань Ханьцю, до этого пребывавший в экстазе от идеального кадра, от ледяного взгляда Цзун Цзы пришел в себя, и холодный пот выступил у него на спине.

— Снято, снято! — закивал он. — Быстро, этот дубль принят! Всем сохранять порядок!

Рабочие бросились на площадку. К счастью, пострадали лишь двое из массовки — пара царепин. А Хэйцзы взбесился из-за того, что кто-то из актеров случайно задел его ногу реквизитным оружием; сейчас конь уже успокоился.

Тань Цзиньсюэ погладила черную гриву и поскакала к Цзун Цзы и Чжань Ханьцю.

Цзун Цзы стоял на месте, глядя на приближающуюся всадницу, и выражение его лица было нечитаемым. Но сердце, наконец, начало биться ровно.

Чжань Ханьцю лично подошел и перехватил поводья:

— У тебя просто невероятная сила рук! Оператор чуть не поседел. Я собирался делать этот кадр на компьютере, но ты справилась лучше любых спецэффектов!

— Вы слишком добры, режиссер Чжань. — Тань Цзиньсюэ сняла маску, и Чжань Ханьцю остолбенел.

Ее лицо было мокрым от пота, крупные капли стекали по подбородку.

В этот момент к ним на своем коне подлетел Юэ Вэньцзя:

— Тань, Тань, ты в порядке?!

Цзун Цзы подошел ближе, увидел ее состояние, и его лицо помрачнело.

— Что случилось?

Тань Цзиньсюэ вытерла пот с лица:

— Пустяки. Ногу подвернула.

Она невозмутимо соскочила с коня, двигаясь четко, и лишь когда нога коснулась земли, слегка поморщилась и постаралась перенести вес на другую.

Юэ Вэньцзя, суется, прыгнул с лошади, пытаясь ее поддержать.

А затем он во все глаза смотрел, как Цзун Цзы в своем безупречном костюме просто подхватил Тань Цзиньсюэ и, закинув на плечо, зашагал прочь.

Чжань Ханьцю похлопал Юэ по плечу, хотел что-то сказать, но промолчал.

Тань Цзиньсюэ, застигнутая врасплох тем, что ее несут как мешок с картошкой, машинально вцепилась в плечо Цзун Цзы и прошептала:

— Ты что творишь?!

— В больницу, — ответил Цзун Цзы.

— Поставь меня, — процедила Тань Цзиньсюэ сквозь зубы.

Цзун Цзы не замедлил шага:

— Зачем?

— Ты давишь мне на живот, — выдохнула она. — Если не остановишься, меня стошнит прямо на тебя.

Цзун Цзы замер.

— Переверни на спину, — скомандовала Тань Цзиньсюэ.

Цзун Цзы нахмурился, но аккуратно позволил ей забраться к себе на спину:

— Держись крепче.

На Тань Цзиньсюэ все еще были доспехи — килограммов десять, плюс ее собственный вес. Цзун Цзы явно было нелегко.

— Справишься? Если нет, опусти, — сказала Тань Цзиньсюэ.

Цзун Цзы хмыкнул, в его голосе проскользнуло редкое раздражение:

— Прижмись плотнее.

Нога нещадно болела, и Тань Цзиньсюэ, не в силах опереться, обхватила его за талию. Она ненавидела это положение.

Цзун Цзы усадил ее на заднее сиденье машины и, сев за руль, завел мотор.

— Кажется, каждый раз, когда я сажусь в твою машину, я выгляжу жалко, — негромко заметила Тань Цзиньсюэ.

Цзун Цзы взглянул на нее в зеркало заднего вида:

— Для меня честь видеть кинозвезду Тань в таком беспомощном виде.

Тань Цзиньсюэ промолчала и принялась расстегивать ремни доспехов.

— Что ты делаешь? — настороженно спросил Цзун Цзы, заставляя себя смотреть на дорогу.

— Снимаю, они слишком тяжелые, — не поднимая головы, ответила она.

Цзун Цзы решил, что его недавний тон был слишком резким, и мягко добавил:

— Как хочешь.

Пряди волос упали ей на лицо. Тань Цзиньсюэ слегка улыбнулась. Женщина ловко, одним движением, избавилась от доспехов. Под ними, для удобства грима, она носила облегающую одежду, подчеркивающую изгибы тела.

Цзун Цзы прибавил скорости.

У Тань Цзиньсюэ диагностировали сильное растяжение связок, и врач, не раздумывая, наложил гипс.

— Рекомендую постельный режим, не нагружайте ногу, — произнес молодой врач лет двадцати. Он убрал руки от щиколотки Тань Цзиньсюэ, поднял на нее взгляд, но тут же отвел глаза, смущенно глядя в сторону. — Э-э... вы... не могли бы дать автограф?

Тань Цзиньсюэ, сидя на кушетке в довольно неловкой позе, оставалась абсолютно спокойной. Она слегка кивнула:

— Конечно.

Молодой врач просиял, поспешно протянул бумагу и ручку, наблюдая, как она уверенно ставит подпись. Его взгляд снова невольно задержался на знаменитой кинозвезде. Как в мире может существовать такой удивительный человек? Он может быть мужественным и решительным мужчиной, а может в одно мгновение стать ослепительной женщиной. Его взгляд упал на тонкую талию, обтянутую черным трико. Неужели у кинозвезды действительно такая тонкая талия?

Тань Цзиньсюэ, заметив его любопытство, негромко пояснила:

— Корсет.

Лицо молодого врача вспыхнуло. Пялиться на живот другого человека было невежливо, а уж если это человек своего пола... в такой ситуации это казалось еще более странным.

Тань Цзиньсюэ улыбнулась:

— Просто сохрани это в секрете.

Покрасневший врач энергично закивал.

[Динь — агент 8399, получено очков любви: 23 000. Текущий долг: -115 000]

Она спрыгнула с кушетки, закутавшись в пиджак Цзун Цзы.

— Спасибо.

Она догадывалась, что новость о ее падении с лошади уже попала в тренды, иначе откуда взяться таким очкам любви от простого врача.

Тань Цзиньсюэ, прыгая на одной ноге, вышла из кабинета. Цзун Цзы ждал ее на пластиковом стуле и протянул ей телефон. Свой собственный.

Тань Цзиньсюэ замешкалась. Все произошло так быстро, что она даже не успела переодеться, а телефон остался на съемочной площадке.

— Учитывая, что новость уже в топах, думаю, тебе стоит все уладить.

Тань Цзиньсюэ взяла телефон, улыбнулась ему и набрала номер Лу Лин.

— Это я. Я в порядке, — мягко сказала она и услышала в трубке громкий всхлип.

Вся съемочная группа стояла на ушах из-за хаоса, вызванного травмой, и никто не догадался сообщить Лу Лин. Она узнала обо всем из соцсетей, и ее сердце разрывалось от страха, пока она не услышала слова «я в порядке» — слезы хлынули градом.

Тань Цзиньсюэ успокаивала рыдающую девушку:

— Это всего лишь растяжение, скоро пройдет. Ты в отеле? Я скоро буду, не переживай.

Цзун Цзы, видя, с какой нежностью и терпением она говорит по телефону, остался бесстрастен. Он уже достаточно сдерживался.

Тань Цзиньсюэ повесила трубку и развела руками:

— Мне нужно в отель. Господин Цзун, не подбросите?

Цзун Цзы хмыкнул, но встал:

— Пошли.

Тань Цзиньсюэ собралась спускаться по лестнице на одной ноге, но мужчина уже сделал несколько шагов вниз и остановился перед ней.

— Залезай.

Тань Цзиньсюэ не стала спорить и ловко забралась к нему на спину. Она решила не уточнять,

что хотела воспользоваться его «Ленд Ровером», а не его спиной.

Цзун Цзы нес ее вниз и вдруг произнес:

— Я думал о том, чтобы взять тебя на содержание. — Его тон был таким обыденным, будто он обсуждал меню на обед.

Тань Цзиньсюэ замерла.

— Впрочем, я знал, что ты не согласишься, — продолжил Цзун Цзы. — И я очень рад, что не предложил.

В глазах Тань Цзиньсюэ мелькнуло что-то странное, она тихо рассмеялась:

— Я тоже.

— С завтрашнего дня учишься ездить верхом, я буду учить тебя лично. Чжань Ханьцю отложил все сцены с кавалерией, но ни один кадр не будет вырезан.

Тань Цзиньсюэ лежала на кровати в отеле, ее загипсованная нога выглядела комично. Но то, что она говорила, было совсем не смешно.

Лу Лин застыла со стаканом воды в руках, глядя на нее с таким выражением, будто Тань Цзиньсюэ только что потребовала прыгнуть в ледяную прорубь в тридцатиградусный мороз.

Теоретически, прыгнуть в прорубь было даже проще, чем научиться ездить верхом за неделю.

— Я... — начала она.

<http://bllate.org/book/19094/1875263>